

**Лага
ЛУЗИНА**

Киевские ведьмы
Меч и Крест

Харьков
«ФОЛИО»
2011

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой появляется черный ворон

Если ворон на церкви каркает — быть покойнику.

«Русские народные
приметы и поверья»

В ясный июльский день, незадолго до Ивана Купала, по Андреевскому спуску, вьющемуся змеей на Подол, шла экскурсия иностранных туристов.

Ее возглавляла красавица-экскурсовод — дама аппетитная, как корзина горячих пирожков, непонятного и не важно какого возраста. Ведь — вы согласитесь со мной, не так ли? — какая разница, сколько женщине лет, если пятнадцать мужчин неотрывно смотрят на ее грудь, с трудом отвлекаясь на другие, исторические, ценности.

— О, couleur locale!¹ — вкусно цокнул языком один, тшедушный и с д'Артаньяновским носом.

Остальные с готовностью закивали.

Нисколько не смущенная столь пристальным вниманием к двум национальным раритетам, уместившимся в ее декольте, красавица вдохновенно вещала, с той легкостью и непринужденностью, с какой женщины говорят обычно о предметах любовных, модных и светских:

— Посмотрите налево. Перед вами сердце Киева — Старокиевская гора. Именно здесь братья Кий, Шек и Хорив основали город, названный в честь старшего брата — Киев, — столицу древней Руси и Мать городов русских!

И голос ее прозвучал столь восторженно и хвастливо, словно речь шла не о древних князьях, а о предложении руки и сердца, полученном ею от президента страны не далее чем

¹ Местный колорит, местное своеобразие (франц.).

вчера вечером.

На небе светили солнце и прозрачная луна, что случилось в Киеве так часто, что никого особо не удивляло. Вдруг, словно кто-то сверху встряхнул чернильным пером, на небосвод капнул черный ворон, уселся на ослепительно солнечный крест Андреевской церкви и издал протяжное и громкое: «Ка-а-а-а-а!». Красавица, уже успевшая наслетничать туристам об утерянной голове Владимира Великого, украденной из его могилы на Старокиевской Петром Могилой, мельком нахмурилась, но продолжала бодро:

— Посмотрите направо: вы видите жемчужину украинского барокко Андреевскую церковь архитектора Бартоломео Растрелли. Церковь была построена на горе, где, согласно Нестору-летописцу, апостол Андрей Первозванный в 40-х годах нашей эры вознес свой крест как знамение будущего обращения славян в христианство. Рядом с церковью, в доме № 10 жил художник Михаил Врубель. Тут он написал первый вариант своей знаменитой картины «Демон», — красавица зачем-то подмигнула.

Переводчик бесцветно перевел сказанное на французский.

Один из экскурсантов занервничал: правильно ли тот переводит? Судя по тону красавицы, можно было подумать, что она только что рассказала им пикантный политический анекдот.

Ворон закричал в третий раз, сорвался с церкви и полетел на запад. Красавица задумчиво осеклась, провожая его встревоженным взглядом. И вдруг с невероятным для женщины мастерством спешно зацокала на тонких шпильках по кривым булыжникам Андреевского. Улица резко вильнула влево, потом вправо...

— Смотрим налево, — зачастила экскурсовод, как будто пыталась выплюнуть поскорей внезапно наскучившую ей, остывшую и потерявшую вкус информацию, — это гора Хорива — Хоревица, или Замковая гора. Многие считают ее одной из Лысых Гор Киева. Другие с ними спорят. Смотрим направо. Напротив Лысой Горы стоит дом № 13 — под ним с 1906 по 1913 год жил писатель Михаил Булгаков, увековечивший Андреевский спуск под псевдонимом Алексеевский в своем романе «Белая гвардия». Чуть дальше можно увидеть гору третьего брата — Шекавицу, известную также как Олеговка. На ней похоронен князь Олег, смерть которого была воспета поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным в «Песни о вещем Олеге». Как вы могли заметить, Киев состоит из легенд, как панно из мозаики, — литературно красиво закончила она и, остановившись возле дома, отмеченного крайне странной

табличкой «Центр Старокіевского колдовства на Подол...», улыбнулась сахарно-сладкими зубами: — На этом наша экскурсия заканчивается. Есть вопросы?

Французы кинулись к переводчику и, окружив его, закартавили восклицательно и вопросительно, перебивая друг друга.

— Они спрашивают, можно ли сфотографироваться с вами на память? — безразлично перевел тот.

— Пожалуйста, — ответила красавица вежливо и машинально поправила бюст.

Д'Артаньяны, поняв этот жест без перевода, проворно облепили ее со всех сторон. Переводчик, в кадр не приглашенный, получил в руки фотоаппарат и бесстрастно прицелился.

— Обратите внимание, — объявила экскурсоводша с профессионально повествовательными интонациями в голосе. — Сейчас вы фотографируетесь с главной достопримечательностью нашей нации — украинской женщиной. Еще ваш соотечественник, французский историк Боплан, путешествуя по дореволюционной Украине, восторженно писал, что только здесь, в особый день года, наперекор всем иным народам не хлопцы сватали девчат, а девчата — хлопцев. И, заметьте, всегда достигали согласия. Им помогают, утверждал он, некие суеверия, которые существуют у украинцев насчет женщин. Аникаких суеверий тут нет. Просто... Кстати, вы женаты? — неожиданно поинтересовалась она у близстоящего.

Дослушав перевод, мужчины отлипли от нее столь же быстро, как приклеились минуту назад. Рядом остался лишь один, получивший бесстыжий вопрос, испуганный, но почему-то не убегающий.

— Не бойтесь, *mon ami*¹, я пошутила, — невесело засмеялась странная экскурсоводша и, деловито поправив грудь, зашла в двери «Центра Старокіевского колдовства на Подол...».

***

Тем временем ворон, накаркавший беду на маковку Андреевской церкви, успел облететь полгорода, выискивая нечто важное и, судя по всему, редко встречающееся в природе.

Опустившись на подоконник коренастого хрущевского дома неподалеку от остатков Кадетской рощи, ворон внимательно посмотрел в окно и издал резкое предупреждающее: «К-а-ррр!». Хотя стороннему наблюдателю и трудно было понять: что могло привлечь здесь столь важную птицу?

¹ Мой друг (франц.).

За выкрашенной в оптимистичный васильковый цвет рамой окна угнездилась крохотная шестиметровая кухня, плотно заставленная допотопным совковым гарнитуром «Красная шапочка». На полках у потолка стояли красные в серебряный горох баночки для сыпучих продуктов, столь густо покрытые вязкой кухонной пылью, что становилось понятно: их водрузили туда исключительно для красоты еще в начале 80-х годов, и с тех пор представления здешних хозяев о красоте и о функции баночек нисколько не изменились.

Возле плиты, протянув руку к вопящему о собственной готовности красно-горохастому чайнику, суетилась захлопотанная рыжая женщина лет сорока, явно относившаяся к категории дам, которых Господь лишь по недомыслию не наделил семью руками вместо двух. В зубах у нее был зажат огрызок черного косметического карандаша, обвислый карман халата топорщился от только что снятых бигудей, а энергичное щекастое лицо вызывало ассоциацию с бомбой, отсчитывающей время, оставшееся до неминуемого взрыва. Правой рукой женщина не глядя подхватила орущий чайник и налила в чашку кипяток, левой швырнула туда дешевый чайный пакетик, в то время как оба ее глаза — один кривовато подведенный, другой девственно заспанный — намертво прилипли к экрану маленького телевизора.

«Сегодня ночью, — бодро бубнил телевизор закадровым корреспондентским голосом, — в Куреневском районе прорвало систему водоснабжения. Движение на улице Фрунзе было перекрыто...»

Женщина торопливо подсунула красную в белые горошины чашку сидящей за столом дочери Маше и принялась обрабатывать оставшийся глаз, продолжая коситься на экран.

Дочь, пристроив перед тарелкой обернутую в газету толстую книгу, меланхолично доедала овсяную кашу.

Впрочем, если бы не фирменные самоварные щеки и медно-рыжий цвет волос, заподозрить дочь столь бурно кипящей матери в этой невзрачной барышне было бы практически невозможно. У Маши было лицо аскета, привыкшего к невкусной, но полезной еде и неинтересной, но правильной жизни, круглое, как циферблат часов, которые никуда не спешат и никогда не опаздывают. Безликая прическа в виде пуританской дульки, футболка навывпуск и взглядонепроницаемая юбка до пят точно дополняли образ идеальной ботанички.

Оторвав взгляд от книги, дочь с интересом посмотрела на экран, в надежде увидеть там своего отца. Живот телевизора пестрел кадрами утренней хроники. Улица Фрунзе, залитая водой, хоровод рабочих у отодвинутого канализационного

люка, в числе которых на секунду мелькнул озабоченный лоб какого-то парня с ярко выраженными восточными чертами, взглянувшего вдруг на Машу в упор черными, как волчьи ягоды, глазами...

«Причины аварии пока неизвестны, — перешел телевизор на трагический тембр, — но жители района охвачены паникой. Некоторые из них до сих пор помнят Куреневскую трагедию 13 марта 1961 года, когда потоки жидкой грязи затопили частный сектор. Уровень воды достигал тогда высоты второго этажа. Тысячи жителей погибли».

— Что ж они не говорят, что те, кого их спасать послали, тоже погибли?! — заученно заголосила мать, давно ожидавшая повода запаниковать. — Что ж это делается, а? Ведь и папа наш сейчас там, аварию чинит.

— Кар-р-р-р-р, — раскатисто прокомментировал этот факт черный ворон.

— Раскаркался! — еще больше возмутилась женщина и замахала руками, пытаясь прогнать птицу, способную накликать дурное.

— К-рр, — коротко высказал свое мнение о ней тот и полетел прочь.

«А теперь новости культуры, — радостно объявила ведущая новостей на телеэкране. — Сегодня в Киевском музее русского искусства откроется выставка...»

— Опять читаешь! — без перехода набросилась мать на Машу. — Что это? Учебник?

Маша сконфуженно взглянула на родительницу — врать она не умела.

— Что? — мгновенно завелась мать. — Опять?! Опять «Мастер и Маргарита»? Сколько можно? Лучше бы предмет повторяла!

— Мама, — тихо отозвалась Маша, без надежды на помилование, — ты же знаешь, я давным-давно все выучила. Я все знаю на «отлично».

— Все знаю... Она все знает! Чего ж ты при этом такая дура! — окончательно взорвалась мама и вдруг жалобно запричитала, ссутулив плечи и сморщив лицо. — Ты ж у меня не уродина, не ущербная какая. Чего ж тебе так не везет? Двадцать два года, и ни одного парня! Я в твоём возрасте уже тебя родила! У Татьяны Петровны дочь второй раз замуж выходит! А ты все дома сидишь и книжки про любовь читаешь. Может, на тебя кто порчу навел, сглазил? Сходила бы к какой-нибудь бабке, а? — Голос матери неожиданно стал молящим. — Я тут у сотрудницы адресок взяла. Она говорит: помогает. Сходи, доча, попроси, чтобы тебе венец

безбрачия сняли.

— Мапочка, — обреченно скривилась Маша, — ну зачем эти глупости?

На один тоскливый, как желудочный спазм, миг ей стало невыносимо стыдно за собственную никчемность и ужасно жалко мать, родившую на свет пустоцвет.

И захотелось исчезнуть... Или заткнуть уши.

— Ну сходи, доця. Что тебе стоит? — ележно попросила мама. — Я тебе и денежку дам. Хорошо? — И, не оставляя Маше паузы для дальнейших возражений, вытащила из висящей на ручке холодильника сумки завернутые в бумагу гривни и суетливо выложила их на стол рядом с Машиным локтем.

— Ладно, — безуспешно попыталась сбежать та. — Я пошла. А то на экзамен опоздаю...

— Деньги не забудь, — уже строго наказала мать.

Смирившись с судьбой, дочь сунула бумажки в книгу и рванула в коридор.

— Ой, мама! — горестно всхлипнула она, в сто тридцать первый раз натыкаясь на старый безработный велосипед, подаренный родителями к ее пятнадцатилетию.

— Под ноги смотреть надо! — отозвалась мама.

Скрючившись пополам, Маша переждала мгновение острой боли и погладила будущий синяк.

У нее всегда было плохо с координацией движений. Она не умела танцевать и на велосипеде ездить так и не научилась, — удержав равновесие несколько секунд, тут же заваливалась в ближайшие кусты...

Но она старалась не думать об этом.

Она думала о реальных и литературных прототипах булгаковского Воланда, об оспариваемой многочисленными историками дате основания Киева, о целесообразности объединения языческих и православных праздников... Но только не о себе самой.

Зачем думать о грустном?

***

Некрасиво поругавшись с матерью Маши, ворон вернулся на Андреевский спуск и, облетев вокруг многобашенной гостиницы «Андреевская», выбрал одно из окон административной части, сдаваемой руководством под офисы платежеспособным фирмам.

«Ка-а-а-а-а», — по-мужски одобрительно крикнул он, ина этот раз с ним трудно было не согласиться.

ЛЕГЕНДА О МОЕМ ГОРОДЕ

На самом деле никто даже не знает, сколько Киеву лет!

Это был первый удар, оглушивший меня, стоило мне запырнуть в историю Города. Я помню: в эпоху моего детства Киев с пафосом отмечал 1500-летие. И признаюсь: даже не подозревала тогда, что эта подозрительно круглая дата предвзвращается втайне обтекаемой формулировкой «принято считать» и что на «принято считать» строится вся история, состоящая, на поверку, лишь из бесконечных версий.

Согласно реальным археологическим свидетельствам — Киеву 6000 лет. Но другие доказывают: всего 1300. Третьи считают его ровесником Христа. Потому как в реальности никто не знает, в какой момент поселение «принято считать» городом! Считается: первый Город основал Кий. Но никто не знает наверняка, был ли он на самом деле («принято считать», что был). Кем он был: князем или перевозчиком через Днепр — тоже не знает никто («принято считать», что князем). Единственное реальное свидетельство о Кие — «Повесть временных лет» Нестора-летописца. Но никто не знает, какими свидетельствами пользовался Нестор («принято считать», что они утрачены). А сам он, живший («принято считать») в 1106 году, реальным свидетелем аж никак не является, тем более что другие считают, что жил он еще на пятьсот лет позже!

Да и вообще, о какой реальности можно говорить в вопросах тысячелетней давности, если вполне реальные свидетели давности столетней врут и перевирают друг друга? Вполне материальные таблички, висящие сегодня на домах Васнецова и Врубеля, лгут нам прямо в лицо. А вполне сегодняшние историки только и делают, что спорят между собой, и история многократно перекраивается у тебя на глазах по фигуре нового времени.

И когда твоя голова разбухает от первой, сто первой, ты-

сячной версии, ты вдруг потрясенно прозреваешь: история — просто сказка!

Официальная сказка для взрослых, которую принято заучивать в школе, как реальную науку. Но она не больше наука, чем алхимия!

И скорее всего, записанная ли, переписанная ли с утерянных рукописей, сага о Кие и его братьях — такая же легенда, как Киевский Змий Кирилловских пещер. Как пять Лысых Гор Киева, куда слетаются все славянские ведьмы праздновать шабаш на Ивана Купала (который по-прежнему «принято считать» праздником летнего солнцестояния, хоть это опровергают все реальные календари). И тысячи версий и свидетельств, ошибок и огрехов — лишь тысячи легенд Великого Города, из которых каждый из нас вправе выбирать ту, что впору твоей душе и мечте. Перекраивать их по фигуре твоих идеалов. Иррационализировать тайны, кои давно уже нельзя разгадать, руководствуясь только своей верой в Свой Киев!

И пускай спина Владимира на Владимирской горке покрывается неопровержимо реальной зеленью. Что с того, если я хочу, чтобы он навсегда остался «чугунным Владимиром» из романа Булгакова! Пусть мой Миша Врубель живет в доме у ступенек Андреевской церкви на два года раньше, чем поселился там реальный Михаил. Что с того, если вместе со мной врет и табличка на 14-м доме, раз и навсегда запечатлевшая эту легенду, как письмена на скрижалях! И хотя с Алексеевского острова, названного в честь легендарного поповского сына Алеши, невозможно попасть на мост Метро, а за оградой Кирилловской церкви не стоит искать люк в пещеры...

Как писал в своих мемуарах Конан Дойл:

Однажды редактор сделал пометку: «В этом месте нет второй железнодорожной колеи», — на что я ответил: «А у меня она есть!»

Потому что это Моя легенда о моем и только Моем Городе!

Лада Лузина

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, <i>в которой появляется черный ворон . . . . .</i>	5
ГЛАВА ВТОРАЯ, <i>в которой Маша проявляет опасное пристрастие к красоте . . . . .</i>	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, <i>в которой пути трех героинь неожиданно пересекаются . . . . .</i>	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в которой Даша теряет работу, Катя — борова, а Маша — здоровый сон . . . . .</i>	41
ГЛАВА ПЯТАЯ, <i>в которой происходит преступление . . . . .</i>	58
ГЛАВА ШЕСТАЯ, <i>из которой мы узнаем, что главной особенностью ведьмы является хвост . . . . .</i>	72
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, <i>в которой Катя становится очень вежливой . . . . .</i>	85
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, <i>в которой Маша безуспешно пытается сосчитать киевские Лысые Горы . . . . .</i>	103
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, <i>в которой Даша учится летать . . . . .</i>	118
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, <i>где мы знакомимся с Луканькой или Анчуткой . . . . .</i>	134
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, <i>в которой Катя внезапно узнает, что у нее есть муж . . . . .</i>	147
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, <i>в которой Миша и Маша уходят из дома . . . . .</i>	162
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, <i>в которой сбывается пророчество брюнета . . . . .</i>	181

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, <i>в которой Маша посещает сумасшедший дом.</i>	198
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, <i>состоящая почти из сплошной любви</i>	222
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, <i>в которой появляются провалы</i>	233
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, <i>повествующая о том, что люди гибнут за металл</i>	244
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, <i>в которой Маша встречается с Мефистофелем</i>	258
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, <i>в которой мы посещаем кафе Семадени</i>	273
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, <i>в которой Даша Чуб вызывает дух Виктора Васнецова</i>	289
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, <i>в которой автор пропагандирует XIX век</i>	306
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, <i>в которой Маша понимает цену настоящей любви</i>	323
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, <i>в которой нам грозят Апокалипсисом.</i>	339
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в которой Маша разочаровывается в рыцарях</i>	351
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, <i>в которой Булгаков поминается недобрым словом.</i>	366
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, <i>в которой все горит синим пламенем</i>	390
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, <i>в которой все оканчивается навсегда и начинается снова.</i>	400
ЭПИЛОГ.	412
ЛЕГЕНДА О МОЕМ ГОРОДЕ	426